

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Земля	8
1. Начало	8
2. Земля среди звезд	14
Глава II. Межзвездное путешествие	21
Глава III. Другая Земля	37
1. На Другой Земле	37
2. Занятой мир.	44
3. Перспективы расы.	65
Глава IV. Снова в путь	83
Глава V. Бесконечные миры.	96
1. Разнообразие миров	96
2. Удивительные разумные существа	106
3. Наутилоиды.	120
Глава VI. Намеки Создателя звезд	130
Глава VII. Еще больше миров.	139
1. Симбиотическая раса	139
2. Составные существа	155
3. Люди-растения и другие	167

Глава VIII. О самих исследователях	183
Глава IX. Сообщество миров	191
1. Суетные утопии	191
2. Межпланетные конфликты.	204
3. Кризис в истории Галактики.	224
4. Триумф в субгалактике	228
5. Трагедия извращенных миров	238
6. Галактическая «утопия».	244
Глава X. Галактика	252
Глава XI. Звезды и паразиты	267
1. Многочисленные галактики	267
2. Катастрофа в нашей Галактике	270
3. Звезды	278
4. Галактический симбиоз.	292
Глава XII. Чахлый дух космоса	300
Глава XIII. Начало и конец	305
1. Назад к туманностям	305
2. Перед моментом истины	313
3. Момент истины и после него	321
Глава XIV. Миф о Творении	333
Глава XV. Создатель и его создания	339
1. Незрелое творение	339
2. Зрелое творение	355
3. Окончательный космос и вечный дух	365
Глава XVI. Эпилог. Возвращение на Землю	371
Замечание о величинах.	379

Предисловие

Сейчас, когда Европе угрожает катастрофа, куда более ужасная, чем события 1914 года, книга, подобная этой, может оказаться порицаемой, как отвлечение от животрепещущей темы борьбы цивилизации с современным варварством.

Год за годом, месяц за месяцем положение нашей разрозненной цивилизации становится все хуже и хуже. Фашизм становится все более безжалостным в своих завоеваниях, все более жестоким к собственным гражданам, более варварским в своей борьбе за идею. Даже в нашей стране, в Англии, есть основания опасаться тенденции к милитаризации и ограничениям гражданских свобод. Более того, проходят десятилетия, но так и не было предпринято ни одной решительной попытки сгладить несправедливости нашего социального порядка. Наша устаревшая экономическая система губит надежды миллионов граждан.

В таких условиях писателям трудно сочетать следование своему призванию со смелостью и взвешенным суждением. Некоторые просто пожимают пле-

чами и остаются в стороне от главной битвы нашего времени. Они, отгородившись от самых жизненных интересов мира, неизбежно производят на свет работы, которые не только не имеют глубокого значения для современников, но и коварно неискренны. Ведь таким писателям приходится, сознательно или бессознательно, представлять, убеждать самих себя в том, что никакого кризиса в делах человеческих не существует, либо что он менее значителен, чем их работа, либо что это так или иначе их не касается. Однако кризис существует, очень важен и касается нас всех. Как может кто-либо, обладая интеллектом и будучи хоть отчасти в курсе событий, утверждать обратное, не кривя душой?

И все же я испытываю живую симпатию к некоторым из этих «интеллектуалов», которые заявляют, что не могут внести сколь-нибудь полезный вклад в эту битву и потому им лучше в нее не вмешиваться. Я фактически один из них.

В нашу защиту я должен сказать, что хотя мы пассивны и неэффективны в качестве непосредственно участвующих в решении проблемы, но не игнорируем ее. На самом деле она постоянно, как наваждение, занимает наше внимание. Но методом проб и ошибок мы пришли к выводу, что наибольшую пользу из всех доступных нам способов можем принести именно косвенно. Для некоторых писателей дело обстоит иначе. Смело врываясь в гущу битвы, они используют свои способности, чтобы пропагандировать насущные идеи, или даже сами берутся за оружие. Если они обладают соответствующими способностями и если конкретное сражение,

в котором они участвуют, является частью великой попытки защиты (или создания) цивилизации, они могут, конечно, выполнить ценную работу. К тому же они могут получить богатый опыт и заработать симпатии людей. Однако за неотложностью своего служения могут забыть о необходимости утверждать и расширять то, что можно метафорично назвать «самокритическое сознание рода человеческого», или попытку увидеть человеческую жизнь в целом по отношению к остальному миру. Это требует желаний рассматривать все людские дела, идеалы, теории с как можно меньшей человеческой предвзятостью. Те, кто борется в гуще битвы, неизбежно склонны к тому, чтобы стать, хотя и в великом и справедливом смысле, партизанами. Они благородно отказываются от этой обособленности, этой силы холодного суждения, которая в конце концов входит в число наиболее ценных способностей человека. В их случае, пожалуй, так и должно быть: отчаянный бой требует больше всецелой самоотдачи, чем обособленности. Но те немногие, кто переживает сердцем, должны служить, стараясь развить вместе с человеческой преданностью более беспристрастный дух. И, возможно, попытка увидеть наш беспокойный мир на фоне звезд может придать еще больше значения современному кризису человечества. Она может также усилить наше милосердие друг к другу.

Будучи убежден в этом, я попытался создать в воображении набросок ужасной, но жизненной совокупности всего. Я отлично знаю, что это до смешного неадекватный и в каком-то смысле дет-

ский набросок, даже если смотреть на него с точки зрения современного человеческого опыта. А в более спокойные и мудрые времена он наверняка покажется бредом сумасшедшего. Однако, несмотря на его незрелость и отдаленность от современных событий, он, пожалуй, все-таки не совсем неуместен.

Рискуя обратить на себя гнев обеих сторон — и «левых», и «правых», — я время от времени использовал определенные идеи и слова, заимствованные из религии, и пытался интерпретировать их в соответствии с современными потребностями. Ценные, хотя и сильно испорченные слова «духовный» и «поклоняться», которые стали почти непристойными для «левых» и относящимися только к половому размножению — для «правых», здесь несут смысл, который «правые» склонны исказить, а «левые» — не принимать во внимание. Этот смысл, должен заметить, уводит в сторону от всего личного, социального, расового; не в том смысле, что ведет человека к тому, чтобы отвергнуть все это, а в том, что заставляет его оценить все по-новому. «Духовная жизнь», кажется, представляет собой попытку открыть и принять позицию, которая на самом деле соответствует нашему опыту в целом, как восхищение кажется подобающим отношением к хорошо воспитанному человеческому существу. Этот путь может привести к большей ясности и лучшему состоянию сознания и потому может серьезно и благотворно повлиять на поведение. Действительно, если этот чрезвычайно очеловечивающий опыт создаст, помимо смирения перед судьбой, решительное же-

ление служить нашему пробуждающемуся человечеству, это будет просто пустозвонством.

Прежде чем поставить точку в этом предисловии, я бы хотел выразить благодарность профессору Л. С. Мартину, мистеру Л. Х. Майерсу и мистеру Е. В. Рью за весьма полезную и доброжелательную критику, под влиянием которой я переписал многие главы. Даже сейчас я не решаюсь напрямую связывать их имена со столь экстравагантной работой. Если оценивать ее по стандартам художественной литературы, она необычайно плоха. Фактически это вовсе даже не роман.

Некоторые идеи об искусственных планетах были предложены мистером Дж. Д. Берналом в его увлекательной книге «Мир, плоть и дьявол». Надеюсь, он не будет против того, как я ими воспользовался.

Мою жену я должен поблагодарить как за ректорскую работу, так и за то, что она была собой.

В конце книги я включил «Замечание о величинах», которая может оказаться полезной читателям, не знакомым с астрономией. Некоторым покажутся интересными наброски временных шкал.

Март 1937

О. С.

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ

1. Начало

Однажды ночью, в расстройстве чувств, я забрался на вершину холма. Темный вереск цеплялся за ноги. Внизу колоннами выстраивались пригородные уличные фонари. Окна с опущенными занавесками, словно глаза с опущенными веками, смотрели свои сны — происходящую за занавесками жизнь. Из-за плоской темноты моря пульсировал маяк. Над головой — мрак.

Я углядел наш дом, наш островок среди буйного и горького потока бытия. Там в течение пятнадцати лет мы двое, такие разные, росли и выросли друг для друга, для взаимной поддержки и пропитания, в сложном симбиозе. Там мы каждый день планировали наши немногие начинания и делились событиями дня. Там накапливались письма, ждущие ответа, носки, ждущие штопки. Там рождались дети, эти новые вспышки жизни. Там, под той крышей, наши собственные две жизни, подчас несогласованные друг с другом, несмотря ни на что, были едины — большей, более сознательной жизнью, чем по отдельности.

Все это, конечно, было хорошо. Однако была горечь. И горечь приходила к нам не только из внешнего мира; она появлялась и внутри нашего собственного магического круга. Ибо страх перед нашей тщетностью, перед нереальностью нас самих, а не только перед бредовостью мироздания, привел меня на этот холм.

Мы все время спешили от одного маленького срочного дела к другому, но результат получался незначительным. Быть может, мы зря растратили все наше существование? Быть может, жили по неправильным понятиям? И, в частности, этот наш союз, эта, кажется, такая прочная опора для деятельности в этом мире, не был ли он на самом деле не более чем небольшим вихрем благодушного и давно привычного домашнего очага, бесполезно кружась на поверхности великого потока, не имея в самом себе ни глубины бытия, ни значения? Неужели мы все это время обманывали сами себя? Неужели за этими закрытыми окнами мы действительно, как и многие другие, всего лишь проживаем сон? В больном мире даже здоровые больны. И мы двое, почти наизусть рассказывавшие друг другу нашу маленькую жизнь, не всегда с ясным пониманием, не всегда с твердым намерением, были порождениями больного мира.

Однако эта наша жизнь далеко не вся была призрачной и бесплодной выдумкой. Разве не была она сплетена из нитей действительности, которые мы собирали всеми приходами и уходами через нашу дверь, из нашего пригорода, города, других, далеких городов, со всех концов света? И разве мы не сплетали воедино подлинное проявление нашей собствен-

ной природы? Разве не была наша жизнь одной из нитей, вплетенных в невероятно сложную и непрерывно разрастающуюся паутину человечества?

Я размышлял о «нас» с тихим интересом и чем-то вроде легкого ужаса. Как мог я описать наши отношения даже самому себе, не унижая их, не оскорбляя безвкусыными декорациями сентиментальности? Ведь этот наш хрупкий баланс зависимости и независимости, этот холодно критический, тонко подтрунивающий, но пронизанный любовью взаимный контакт был действительно микрокосмосом подлинной общности, был, в конце концов, в своей простоте настоящим и живым примером той великой цели, к которой стремится мир.

Весь мир? Вся вселенная? Над головой из мрака выступила звезда. Один робкий лучик света, выпущенный неизвестно сколько тысяч лет назад, сейчас искоркой ужалил мои нервы, а сердце — страхом. Ибо какое значение может иметь наше случайное, наше хрупкое, наше мимолетное сообщество в этой бесконечности?

И в этот момент меня непроизвольно охватило странное благоговение — не перед этой звездой, конечно, не перед этим горнилом, ложно освященным всего лишь своей чудовищной удаленностью, а перед чем-то другим, сообщенным сердцу ужасающей разницей между этой звездой и нами. Но что же, что это может быть? Разум, пытаясь заглянуть за звезду, не обнаружил там Создателя звезд, а только тьму; ни Любви, ни даже Власти — только Ничто. И все же сердце мое пело.

Я нетерпеливо стряхнул это наваждение и вернулся от непостижимого к знакомому и конкретному. Отбросив благоговение, а вместе с ним и страх и горечь, я решил более беспристрастно исследовать это замечательное «мы», эту удивительную данность, которая для нас была основой вселенной, хоть и казалась такой мелочью в сравнении со звездами.

Даже не имея в виду бесконечность расстояний вокруг нас, мы все же были слишком незначительными, пожалуй, даже смешными. Мы были совершенно обыденным явлением, таким банальным, таким заурядным. Мы были обычной женатой парой, живущей вместе без лишних усилий. Брак в наше время дело вообще сомнительное. А наш, с его тривиальным романтическим происхождением, — вдвойне.

Мы познакомились, когда она была еще ребенком. Наши глаза встретились. Какое-то мгновение она смотрела на меня с тихим вниманием; даже, как я тогда романтично вообразил, со смутным, глубоко спрятанным одобрением. Я, по крайней мере, узнал в том взгляде (так я убедил себя в своей юношеской лихорадке) свою судьбу. Да! Каким предопределенным судьбой казался наш союз! И при этом сейчас, глядя назад, каким случайным он теперь кажется! Конечно, как давно женатая пара мы превосходно подходили друг другу, подобно двум близко растущим деревьям, чьи стволы выросли вместе единой колонной, взаимно искажая, но и при этом взаимно поддерживая друг друга. Сейчас я холодно определил ее как всего лишь полезный, но нередко раздражающий придаток к моей личной жизни. В целом

мы были заботливыми партнерами. Мы оставляли друг другу определенную свободу, благодаря чему могли выносить нашу близость.

Таковы были наши отношения. В таком виде атом из нас двоих не казался очень уж значительным для понимания вселенной. Однако в глубине души я знал, что это так. Даже холодные звезды, даже весь космос со всеми его беспредельными пространствами не мог убедить меня в том, что этот наш ценный атом общества, несовершенный, как он есть, краткосрочный, каким должен быть, не был значительным.

Но мог ли этот наш трудноописуемый союз действительно иметь какое-то значение превыше самого себя? Доказывал ли он, например, что человеческой природе свойственно любить, а не ненавидеть и бояться? Был ли он доказательством того, что все мужчины и женщины по всему миру, хоть обстоятельства и могут им помешать, способны создать общество, основанное на любви? И, далее, доказывал ли он, будучи сам порождением космоса, что любовь в некотором смысле является основой самого космоса? И обеспечивал ли он через свое собственное внутреннее совершенство какую-либо гарантию того, что мы двое, его хрупкие опоры, будем в каком-то смысле жить вечно? Доказывал ли он, что любовь — это Бог и что Бог ждет нас в своем раю?

Нет! Наш уютный, дружественный, доставляющий радость, не нуждающийся в приукрашении и высоко ценящийся союз духа не оказался ничем из этого. Он не был никакой гарантией ничего,

кроме своей собственной несовершенной правоты. Он был всего лишь очень недолгим, очень ярким воплощением одной из многих возможностей существования. Я помнил про стаи недоступных взгляду звезд. Я помнил смятение ненависти, страха и горечи, из которых состоит мир людей. Я также помнил и наши собственные, не очень редкие разногласия. И я напомнил самому себе, что мы должны очень скоро исчезнуть, подобно ряби от ветра на водной глади.

И снова я ощутил странную гармонию между нами и звездами. Неисчислимое могущество космоса чудесным образом усилило правоту краткой искры нашего союза и краткого, робкого предприятия человечества. И они, в свою очередь, ускорили космос.

Я сел на вереск. Мрак над головой отступал. Освобожденное небесное население выходило из своих укрытий, звезда за звездой.

Вокруг меня за пределы видимости простирались тенистые холмы или лишь угадываемое, бесформенное море. Однако соколиный полет воображения следовал за ними даже после того, как они скрывались за горизонтом. Я почувствовал, что нахожусь на маленьком круглом шарике из камня и металла, окутанном пленкой воды и воздухом, кружащемся в солнечном свете среди тьмы. А на поверхности этого шарика все его население жило многие поколения в поте лица и слепоте, лишь иногда веселясь и обзаводясь ясностью духа. И вся его история, с ее миграциями, империями, философиями, гордыми

науками, социальными революциями, растущим стремлением к единению была не более чем искоркой в жизни звезд.

Знать бы только, есть ли среди этой мерцающей бесконечности где-либо другие шарики из камня и металла, является ли робкий человеческий поиск мудрости и любви одиноким и незначительным всплеском или же частью вселенского движения!

2. Земля среди звезд

Мрак над головой рассеялся окончательно. От горизонта до горизонта небо представляло собой непрерывную звездную россыпь. Две планеты смотрели, не мигая. Самые яркие из созвездий заметно проявляли свою индивидуальность. Четырехугольные плечи Ориона и его ноги, его пояс и меч, Большая Медведица, зигзаг Кассиопеи, неразлучные Плеяды — все они были отчетливо видны на темном небе. Млечный Путь — расплывчатых очертаний обруч света — опоясывал небо.

Воображение дорисовало то, чего не могло различить зрение. Мне казалось, что когда я смотрю вниз, то вижу сквозь прозрачную планету, сквозь вереск и сплошной камень, сквозь погребенные захоронения исчезнувших видов, сквозь потоки расплавленного базальта и дальше, в земное железное ядро; потом еще дальше, все еще как будто бы вниз, сквозь пласты, океаны и земли Южного полушария, мимо корней эвкалиптов и на ноги перевернутых антиподов, сквозь их голубой, пронизанный солнечными лучами дневной купол, и дальше в вечную

ночь, где солнце и звезды вместе. Ибо там, головокруительно глубоко подо мной, подобно рыбам в глубине озера, лежали другие такие же созвездия. Два небесных купола были сплавлены в единую полую сферу, населенную звездами, черную, даже несмотря на ослепительное солнце. Молодая луна была как дуга сияющей проволоки. Вселенную опоясывал замкнутый обруч Млечного Пути.

Ощувив странное головокружение, я посмотрел в поисках опоры на маленькие светящиеся окна нашего дома. Они были на месте, как и весь пригород и холмы. Но сквозь все это сияли звезды, будто все земное было сделано из стекла или какой-то более прозрачной, более эфирной стекловидной материи. Церковные часы едва слышно начали бить полночь. Первый удар прозвенел слабо, будто бы удаляясь.

Воображение перешло на новый, странный уровень ощущений. Переводя взор от звезды к звезде, я больше не видел небо как сверкающие алмазами потолок и пол, а видел его как бездну позади сверкающего бесчисленного множества солнц. И хотя по большей части хорошо заметные и знакомые небесные светила выступали как наши ближайшие соседи, некоторые яркие звезды были, очевидно, на самом деле далекими и мощными, тогда как другие тусклые лампочки были видны исключительно потому, что они очень близко. Со всех сторон пространство было переполнено целыми роями и потоками звезд. Но теперь даже они казались близкими, потому что Млечный Путь отступил на несравнимо большее расстояние. И сквозь бреши в его ближай-